

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-186-191

ОБРАЗ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ СТЕНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. СОРОКИНА

© Чжан Исянь

THE IMAGE OF THE GREAT RUSSIAN WALL IN THE WORKS OF V. SOROKIN

Yixian Zhang

V. Sorokin's works often feature images closely related to Chinese culture. One of such images, the Great Russian Wall, acts as a significant element of the meta-plot, which carries an important meaning. This article analyses the image of the Great Russian Wall in V. Sorokin's futurological works "Day of the Oprichnik" and "Kremlin Made of Sugar" primarily through the study of the Great Wall of China and its connotations in Western culture. The article also focuses on the intertextual horizon of Sorokin's image of the Wall: the parallels between the text by Sorokin and the texts by F. Kafka and H. Borges. The article uses comparative and cultural-historical methods to reveal the author's artistic intent. In conclusion, the image of the Great Russian Wall in Sorokin's future world can be perceived as a parody of the Great Wall of China. Sorokin's Wall, on the one hand, symbolizes the closed and stagnant way of life in ancient China with its cruel feudal regime. On the other hand, it exposes the same reality of future Russia. It reflects serious socio-political problems of Russian reality, in particular its "isolation" and "totalitarianism".

Keywords: V. Sorokin, image of the Great Russian Wall, the Great Wall of China, future Russia, ideology

В произведениях В. Г. Сорокина часто фигурируют образы, тесно связанные с китайской культурой. Один из таких образов – Великая Русская стена – выступает как значительный элемент метасюжета, имеет важный смысл. Настоящая статья посвящена исследованию образа Великой Русской стены в футурологических произведениях В. Г. Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль» прежде всего через изучение истории Великой Китайской стены и ее коннотаций в западной культуре. Также в статье уделяется внимание интертекстуальному горизонту сорокинского образа Стены: рассматриваются параллели между текстом В. Г. Сорокина и текстами Ф. Кафки и Х. Борхеса. Для раскрытия авторского художественного замысла в статье используются сравнительно-сопоставительный и культурно-исторический методы. Делается вывод, что образ Великой Русской стены в сорокинском мире будущего можно воспринимать как пародию на возрождение Великой Китайской стены. В рассматриваемых произведениях В. Г. Сорокина образ Стены символизирует, с одной стороны, замкнутый и застойный уклад жизни древнего Китая в условиях жесточайшего феодального режима, а с другой – ту же реальность России будущего. В образе Великой Русской стены сконцентрированы серьезные социально-политические проблемы российской действительности, это особенно касается «замкнутости» и «тоталитарности».

Ключевые слова: В. Г. Сорокин, образ Великой Русской стены, Великая Китайская стена, ирония, идеология

Размышляя о социально-политических проблемах России прошлого и нынешней эпохи, В. Г. Сорокин создает своеобразный гротескный мир будущего с помощью иронии, эстетики уродливого и отвратительного, концептуалистской игры со словом. Этот футурологический мир складывается путем синтеза российского прошлого, в частности средневековья и советской тоталитарной эпохи, с добавлением некоторых атрибутов постиндустриальной цивили-

зации. В этой придуманной В. Г. Сорокиным фиктивной реальности значительное место занимает образ Китая как технического лидера с вездесущей китайской кухней, китайским языком, ставшим основой языка будущего в России, и т. д. Подобная художественно-идеологическая установка тесно связана с интересом писателя к Китаю. По словам В. Г. Сорокина, «в юности он уже обращал внимание на китайскую культуру, его привлекает как древний Китай, так и совре-

менный Китай» [1, с. 184]. Образ Китая будущего в сорокинском «Китайском цикле» [2, с. 114] анализируется в статьях И. В. Кукулина и М. Н. Хабибуллиной. В работах Е. С. Биберган и А. М. Лобина также упоминаются смыслы сорокинского образа Китая. Однако образ Великой Русской стены как важный элемент метасюжета в произведениях В. Г. Сорокина, уходящий корнями в китайские социально-исторические и культурные реалии, недостаточно исследуется в их работах. Итак, целью настоящей статьи является научное изучение образа Великой Русской стены в повести В. Г. Сорокина «День опричника» (2006 г.) и сборнике рассказов «Сахарный Кремль» (2008 г.).

В. Г. Сорокин отмечает, что образ Великой Русской стены является пародийным преломлением Великой Китайской стены. «Я произвел для себя некий мысленный опыт. Что будет, если изолировать Россию от мира – если предположить, что будет выстроена Великая русская стена по образцу Великой китайской?» [3]. В «Голубом сале», первом произведении «Китайского цикла», уже упоминается Великая Китайская стена, которая не влияет на «интеграционные процессы между Россией и Китаем» [4, с. 69] в мире будущего: «*Эти твари пролетят сквозь все. Даже сквозь Великую Китайскую стену*» [5, с. 30]. В более поздних произведениях В. Г. Сорокина образ Великой Китайской стены сменился на образ Великой Русской стены.

Известно, что Великая Китайская стена (кит. 万里长城)¹ – это древнекитайское оборонительное сооружение длиной более 21 тысячи километров, проходящее по северному Китаю. Ее строительство длилось более двух тысяч лет. Как одна из самых важных государственных программ по защите окраины империи от нашествия кочевых народов Стена появилась в период правления династии Цинь (221–206 гг. до н. э.). Трудно рассчитать, сколько людей участвовало в реализации этого проекта в период правления династии Цинь. Согласно «Ши Цзи»², сначала

отправили 300 тысяч солдат, потом непрерывно привлекали заключенных, рабов, крестьян, даже интеллигентов. Строительство Стены сопряжено со множеством трудностей, таких как сложный рельеф, технические проблемы, суровый климат и неавтоматизированный труд. Многие работники погибали на стройке, что приводило к восстаниям. Считают, что это одна из причин быстрого падения империи Цинь.

После династии Цинь расширение и укрепление Стены стало заботой всех династий, особенно династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) и династии Мин (1368–1644 гг.). Можно сказать, что в древнекитайской тысячелетней истории Великая Китайская стена внесла большой вклад в защиту от варваров, обеспечение древнекитайской земледельческой цивилизации, организацию приграничной торговли, развитие транспорта и т. д. В связи с мировыми техническими революциями традиционная оборонительная функция Великой Китайской стены XIX–XX вв. постепенно ослабла. Но Стена приобрела новые актуальные значения в рамках вторжения западных держав, превратилась в символ стойкости и сплоченности народа. Именно символическое значение составляет главную культурную коннотацию Стены в современной китайской культуре.

В западной культуре Великая Китайская стена является частью стереотипного представления о Китае разных периодов истории. Когда Великая Китайская стена у китайцев приобрела самое позитивное значение (в эпоху, характеризующуюся внутренними смутами и агрессиями), ее культурный образ катился по наклонной плоскости на Западе: от символа величия древнекитайской цивилизации до атрибута ригидно-феодальной, отсталой культуры, гротескного символа застойного периода. Исторические значения, присущие ей, постепенно были заменены мифологическими смыслами. Так, немецкий философ К. Маркс считал Великую Китайскую стену самой консервативной крепостью в мире и символом сильной ксенофобии [6, с. 264]. В образе Стены русский востоковед В. Васильев, бывавший в Китае XIX веке, увидел «страх и робость китайцев в настоящем» [7, с. 128]. Австрийский писатель Ф. Кафка в своем рассказе-притче «Как строилась Китайская стена» также подчеркнул абсурдную бессмысленность Стены в качестве оборонительного сооружения: «*От кого должна была великая стена служить за-*

¹ Согласно мнению Ловелл Джулия – автора книги «Великая Китайская стена», название «Великая Китайская Стена», даваемое западными специалистами начиная с семнадцатого столетия, является выдумкой. Китайцы обычно называют ее Длинной Стеной (кит. 长城) или Стеной длиной в десять тысяч ли (кит. 万里长城). В данной статье применяется международный привычный термин «Великая Китайская стена».

² «Ши Цзи» (кит. 史记) – историческое сочинение биографического жанра, написанное Сыма Цянем (кит. 司马迁) в период правления династии Западная

Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.). В нем записана история от мифического Желтого Императора до империи Западная Хань включительно.

щитой? ... Никакой северный народ нам угрожать не может» [8, с. 14].

Надо сказать, что такие коннотации, как «бесполезность», «консервативность», «замкнутость», акцентируемые западными учеными, с одной стороны, в большой степени соответствуют сути Великой Китайской стены. Образ Стены, обеспечивающей идеологическое единство народа и власть империй, отсылает к древнекитайской феодальной культуре, к историческим реалиям Китая XIX–XX вв., когда политика «закрытых дверей» достигла апогея. С другой стороны, сугубо негативные коннотации Стены в западной культуре XIX в., разумеется, существенно искажают объективную действительность. Подобные аберрации обусловлены фактором «приспособления к новому культурному контексту» [9, с. 10]: демонизируя Стену, западные идеологи тем самым подтверждали безусловную истинность собственного цивилизационного пути. Итак, образ Стены в западной культуре обнаруживает очевидно гротескную природу и представляет собой результат «адаптации культурных ценностей воспринимающей культурой» [10, с. 23].

Погружаясь в российские социально-политические проблемы, В. Г. Сорокин возрождает образ Стены в антиутопической диалогии «День опричника» и «Сахарный Кремль», называет его Великой Русской стеной.

В повести «День опричника» действие происходит в Москве 2027 года: перед нами фантастический мир, в котором царят самодержавие, тоталитаризм, ксенофобия, коррупция. В. Г. Сорокин описывает обычный день опричника Андрея Комяги. В «Дне опричника» Россия будущего окружена «Западной стеной» и «Южной стеной», как древняя китайская империя, изображенная в духе европейских стереотипных представлений о Китае, характерных для рубежа XIX–XX вв. Сорокин особенно подчеркивает ключевую роль «Западной стены», то есть жесткую изоляцию России от Европы. По словам М. Н. Хабибуллиной, образ Стены является материализацией метафоры советского «железного занавеса» [4, с. 70]. Здесь мы обращаемся к двум важным моментам, связанным с образом «Стены» в «Дне опричника»: репетиции номера «Накось выкуси» и фильму «Великая Русская стена», которые как «текст в тексте» [11, с. 105] играют роль зеркала сатиры.

Так, главный герой Комяга присутствует как один из цензоров на репетиции предстоящего праздничного концерта, характеризующегося яркой политизированностью. Среди одиозных номеров выделяется новый спектакль «Накось вы-

куси», который «выявляет» справедливость Великой России и преступную сущность враждебного Запада. В противовес мужественным русским пограничникам в спектакле представлены отвратительные «кроты» – европейцы, которые сосут русский газ через трубы, вырастающие у Западной стены.

Если в спектакле «Накось выкуси» речь идет прежде всего об изоляции страны от Запада, то фильм «Великая Русская стена» посвящен внутренним проблемам России. В фильме изображен злодейский заговор Думы с целью расколоть и разделить державу. В финале появился образ Государя: «на фоне пейзажа родного, залитого солнцем восходящим, молодой Государь стоит с первым кирпичом в руках, смотрит на Запад и произносит сокровенное: Великая Русская стена!» [12, с. 130]. Получается, что Стена выступает в качестве гаранта национально-территориального единства России, строительство Стены символизирует «возрождение» великой империи.

Суть образа Великой Русской стены наиболее полно раскрыта в книге рассказов «Сахарный Кремль». Развивая основные мотивы, намеченные в «Дне опричника», книга рассказов изображает представителей разных слоев тоталитарно-феодальной футурологической России, в том числе школьника, заключенного, капитана госбезопасности и т. д. В сравнении с «Днем опричника» в «Сахарном Кремле» сатира и сарказм явно усилены. В книге рассказов строительство Стены уже запечатлено в русском коллективном сознании:

«Подмигивает дед нравоучительно:

Вот, внученька, кабы каждый школьник по кирпичику слепил из глины отечественной, тогда бы Государь враз стену закончил, и наступила бы в России счастливая жизнь.

Знает это Марфуша. <...> Что много еще кирпичиков надобно слепить, чтобы счастье всеобщее пришло» [13, с. 15].

В данном случае у В. Г. Сорокина обнаруживаются очевидные точки соприкосновения с рассказом Кафки «Как строилась Китайская стена»:

«... уверенность простого тихого гражданина в том, что стена будет когда-нибудь завершена, – все это определенным образом настраивало струны их души... Единство! Все стоят плечом к плечу, ведут всеобщий хоровод, кровь, уже не замкнутая в скупую систему сосудов отдельного человека, сладостно течет через весь бесконечный Китай и все же возвращается к тебе» [8, с. 9].

В. Г. Сорокин вслед за Кафкой подчеркивает тоталитарный характер строительства Стены, ко-

торая «подавляет развитие индивидуального, частного и, следовательно, обнаруживает мнимость самого социального» [14, с. 75]. Писатель-постмодернист продолжает давнюю традицию европейской культуры, основанную на экспликации таких стереотипных представлений о древнем Китае, как «упадок», «застой», «консервативность», «замкнутость», а соответственно – и на игнорировании всех позитивных сторон Стены, в частности – ее защитных функций. Итак, Великая Китайская стена превращается в авторскую метафору, позволяющую «вести разговор в других единицах измерения» [15, с. 156].

В контексте описания строительства Великой Русской стены автор особое внимание уделяет работникам-заключенным. Выше упоминалось, что множество заключенных принимало участие в строительстве Великой Китайской стены.

Так, в пятом рассказе «Харчевание» книги «Сахарный Кремль» описаны эпизоды жизни эков на стройке: беспощадная экзекуция за невыполнение плана по возрождению восточного участка Стены и обеденный час. В рассказе нет упоминаний о том, как они стали заключенными; не исключено, что истинной причиной ареста миллионов людей стала необходимость в рабочей силе в связи со строительством Стены. Под воздействием палача Матюхи, выполняющего функции экзекутора (он порет эков соленой розгой), арестанты механически работают. Палача Матюху, как и опричника Комягу, можно отнести к сорокинским борцам за «идеи Великой Державы» [16, с. 164].

Безусловно, рассказ «Харчевание» обнаруживает целый ряд интертекстуальных отсылок к повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», содержащей изображение лагерной жизни в сталинские годы. Получается, что в России будущего, характеризующейся техническим прогрессом и некоторыми политическими новациями, характерными для постиндустриальной эпохи, «все также остается плодородная почва для жестокости, ненависти, зла, поддерживающая существование лагерной системы» [Там же, с. 163]. В этой связи обращает на себя внимание описание жестокой экзекуции, глубокие смысловые ассоциации обнаруживаются также и в двух «отступлениях»:

«Шесть коршунов, плавно паря и зависая в глубоком безоблачном небе, пролетели над Стеной из России в Китай...

Шесть коршунов, полетав за Великой Русской Стеной на китайской территории, разделились: четверо остались парить там же, а двое, попискивая и вяло атакуя друг друга, вернулись в Россию» [13, с. 95–97].

Направление полета хитрых коршунов прежде всего иронически намекает на тщетность попыток России отгородиться от Китая. Кроме того, оно олицетворяет трагедию, предсказывая России темное и беспощадное будущее. Ведь коршун, питающийся падалью, традиционно воспринимается как символ смерти. А числа, акцентированные В. Г. Сорокиным в данном эпизоде, не требуют особых комментариев: известно, что три шестерки составляют число зверя – значение имени ставленника Сатаны. Автор метафорически указывает на распад китайской империи, окруженной Великой Китайской стеной, которая превратилась в падаль в глазах коршунов. А двое коршунов вернулись в Россию, потому что тоже почувствовали гнилой запах от нее, символизирующий неминуемую беду – угасание «державы». Очевидно, подразумевается, что «строительство Стены» как российская государственная геополитическая программа является повторением ошибки соседской страны.

«Замкнутость» России также отражена в ритуальном сожжении загранпаспортов на Красной площади. Вероятно, сожжение ждет не только загранпаспорта российских граждан, но и национальную классику. В «Дне опричника» главный герой Комяга по личному делу государыни приехал к ясновидящей, которая любит сжигать русскую классику. Во время встречи с Комягой ясновидящая сжигала романы «Идиот» и «Анна Каренина», которые, по ее мнению, вредны для государства: «...книги должны быть только деловые: по плотницкому делу, по печному, по строительному, по ткацкому...» [12, с. 144]. Если цель строительства Великой Русской стены состоит в ограничении пространства (изоляция России от Запада), то цель сожжения книг – в ограничении времени (изоляция России от исторического прошлого). Итак, сорокинская Россия будущего характеризуется абсолютной замкнутостью, которая вновь обнаруживает недвусмысленную связь с китайским путем. Сожжение книг было значительным событием во время правления Цинь Шихуанди. Согласно «Ши Цзи», в 213–212 гг. до н. э. император Цинь Шихуанди приказал сжигать «бесполезные» книги и закапывать живьем интеллигентов из-за идеологических препятствий во введении новой политики. В результате китайская культура пережила беспрецедентную катастрофу, было утеряно много драгоценных книг, написанных до династии Цинь, и талантливых, честных людей. Следует отметить, что две эти деструктивные акции – сожжение книг и строительство Стены – уже были поставлены в один ряд аргентинским писателем Х. Борхесом («Стена и книги»). Слова Борхеса

можно применить к Государю России из «Дня опричника»: «окружил стеной империю, осознав ее непрочность, и уничтожил книги, поняв, что они священны или содержат то, что заключено во всей Вселенной и в сознании каждого человека» [17, с. 233]. Правитель пытался задержать смерть своей империи Стеной в пространстве и костром во времени, чтобы ограничить контакты народа с меняющимся миром, миром «случайностей». В таком случае замкнутая Россия будущего представляется «вечностью».

Заключается, что Россия будущего, окруженная Стенами и принятая как Великая держава у сорокинских героев в действительности – тоталитарное феодальное государство произвола. Как Великая Китайская стена в глазах западных ученых не способствовала защите древнекитайской земледельческой цивилизации от варваров, Стена под пером В. Г. Сорокина, построенная с целью изоляции от Запада и обеспечения Российской империи, представлена иллюзией миража. Писатель вслед за Кафкой и Борхесом обращается к психологии индивидуальности и национальной идеологии в контексте строительства Стены. Описание эпизода жизни заключенных на стройке, рисование психологии школьницы Марфуши и фокусирование на политическом фильме «Великая Русская стена», несомненно, выявляют, что в сорокинской фиктивной реальности Великая Русская стена «интеллектуально ясна как политическая идеологема и эмоционально несомненна как религиозное переживание» [18, с. 68]. В образе Великой Русской стены воплощается идеологическая и геополитическая утопия, а развалины Стены в позднем романе «Теллурия» (2013 г.) символизируют крушение утопии.

Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР (CSC) № [2020] 71.

The research is funded by China Scholarship Council № [2020] 71.

Список источников

1. 任光宣. 俄罗斯作家索罗金访谈录 // 暴风雪, 任明丽译, 北京: 北京人民文学出版社, 2012. С. 177–185 (Рен Гуансюань. Сорокин В. Г. Интервью у современного русского писателя В. Сорокина // Метель. Перев. с кит. Рен Мингли. Пекин.: Издательство народной литературы. 2012. С. 177–185).
2. Кукулин И. В. Техногенная матка истории (Заметки о происхождении ключевого образа в фильме А. Зельдовича и В. Сорокина «Мишень») // Новое литературное обозрение. 2013. № 1. С. 206–226.
3. Соколов Б. В. Владимир Сорокин: Опричнина – очень русское явление: интервью. URL:

<http://www.srkn.ru/interview/bsokolov.shtml> (дата обращения: 22.10.2021).

4. Хабибуллина М. Н. «Очарованность Китаем»: образ транскультурного будущего в творчестве В. Г. Сорокина // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2014. № 4. С. 68–77.
5. Сорокин В. Г. Собрание сочинений. Том 3. Голубое сало. М: Ад Маргинем, 2002. 814 с.
6. 马克思, 恩格斯. 马克思恩格斯全集, 第七卷, 北京: 北京人民出版社. 1959. 741 с. (Маркс К. Г., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса. Т. 7. Международное обозрение I. Перев. с кит. Пекин.: Народное издательство, 1959. 741 с.).
7. Васильев В. П. Воспоминания о Пекине. В сб.: Китай у русских писателей. М.: Алгоритм, 2008. С. 111–140.
8. Кафка Ф. Как строилась Китайская стена / Ф. Кафка; пер. с нем. В. Станевич, Е. Маркович. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 224 с.
9. Espagne M. et al. Frankreichfreunde. Mittler des französisch-deutschen Kulturtransfers (1750–1850). (Deutsch-Französische Kulturbibliothek; 7), Leipzig: Leipziger Univ.-Verlag, 1996. S. 7–22.
10. Лобачева Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник ТГПУ. 2010. № 8. С. 23–27.
11. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. 272 с.
12. Сорокин В. Г. День опричника. М.: АСТ, 2019. 240 с.
13. Сорокин В. Г. Сахарный Кремль. М.: АСТ, 2019. 256 с.
14. Эпштейн М. Н. Постмодернизм в России. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 608 с.
15. Шастина М. В. Франц Кафка и Китай // Научный диалог. 2017. № 2. С. 148–159.
16. Биберган Е. С. Рыцарь без страха и упрека: Художественное своеобразие прозы Владимира Сорокина. СПб.: Филол. Фак. С.-Петер. гос. ун-та, 2011. 224 с.
17. Борхес Х. Л. Собр. Соч.: В 4 т. Т. 2: Новые расследования: Произведения 1942–1969 годов / Пер. с исп. Сост., предисл. и примеч. Б. Дубина. СПб.: Амфора, 2000. 864 с.
18. Стрельник О. Н. Деформация языка и мифологизация сознания в культуре постмодерна // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2006. № 2. С. 63–72.

References

1. 任光宣. 俄罗斯作家索罗金访谈录 // 暴风雪, 任明丽译 (2012) [Ren Guansjuan'. Sorokin V. G. An Interview with the Modern Russian Writer V. Sorokin]. Metel'. Perv. s kita. Ren Mingli. Pp. 177–185. Beijing, Izdatel'stvo narodnoi literatury. (In Chinese)
2. Kukulin, I. V. (2013). *Tehnogennaya matka istorii (Zametki o proishozhdenii klyuchevogo obraza v fil'me A. Zel'dovicha i V. Sorokina "Mishen")* [A Technogenic Womb of History (Notes on the Origin of

the Key Image in the Film by A. Zeldovich and V. Sorokin "The Target"). *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 1, pp. 206–226. (In Russian)

3. Sokolov, B. V. (2021). *Vladimir Sorokin: Oprichnina – ochen' russkoe yavlenie: interv'yu* [Vladimir Sorokin: Oprichnina Is a Very Russian Phenomenon: An Interview]. URL: <http://www.srkn.ru/interview/bokolov.shtml> (accessed: 22.10.2021). (In Russian)

4. Habibullina, M. N. (2014). "Ocharovannost' Kitaem": obraz transkul'turnogo budushhego v tvorchestve V. G. Sorokina ["Fascination with China": The Image of the Transcultural Future in the Works of V. G. Sorokin]. *Ural'skii filologicheskii vestnik*. Seriya: Russkaya literatura XX-XXI vekov: napravleniya i techeniya, No. 4, pp. 68–77. (In Russian)

5. Sorokin, V. G. (2002). *Sobranie sochinenii. Tom 3. Goluboe salo* [Collected Works. Volume Three. Blue Fat]. 814 p. Moscow, Ad Marginem. (In Russian)

6. 马克思, 恩格斯 马克思恩格斯全集 第七卷 北京: 北京人民出版社 (1959) [Marks K.G., Jengel's F. Complete Works of Marx and Engels, Vol. 7]. 741 p. Beijing, Narodnoe izdatel'stvo. (In Chinese)

7. Vasil'ev, V. P. (2008). *Vospominaniya o Pekine. V sb.: Kitai u russkikh pisatelei* [Memories of Beijing. China among Russian Writers]. Pp. 111–140. Moscow, Algoritm. (In Russian)

8. Kafka, F. (2011). *Kak stroilas' Kitaiskaia stena* [How the Chinese Wall Was Built]. F. Kafka; per. s nem. V. Stanevich, E. Markovich. 224 p. St. Petersburg, Azbuka; Azbuka-Attikus. (In Russian)

9. Espagne, M. et al. (1996). *Frankreichfreunde. Mittler des französisch-deutschen Kulturtransfers (1750–1850)* [France Friends. Mediator of Franco-German Cultural Transfer (1750–1850)]. *Deutsch-Französische Kulturbibliothek*; 7, pp. 7–22. Leipzig, Leipziger Univ.-Verlag. (In French)

10. Lobacheva, D. V. (2010). *Kul'turnyi transfer: opredelenie, struktura, rol' v sisteme literaturnykh vzaimodeistvii* [Cultural Transfer: Definition, Structure and Role in the System of Literary Interactions]. *Vestnik TGPU*. No. 8, pp. 23–27. (In Russian)

11. Lotman, Ju. M. (1992). *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. 272 p. Moscow, Gnozis; Izdatel'skaya gruppa "Progress". (In Russian)

12. Sorokin, V. G. (2019). *Den' oprichnika* [Day of the Oprichnik]. 240 p. Moscow, AST. (In Russian)

13. Sorokin, V. G. (2019). *Saharnyi Kreml'* [Kremlin Made of Sugar]. 256 p. Moscow, AST. (In Russian)

14. Epshtein, M. N. (2019). *Postmodernizm v Rossii* [Postmodernism in Russia]. 608 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)

15. Shastina, M. V. (2017). *Frants Kafka i Kitai* [Franz Kafka and China]. *Nauchnyi dialog*. No. 2, pp. 148–159. (In Russian)

16. Bibergan, E. S. (2011). *Rytsar' bez straha i upreka: Hudozhestvennoe svoeobrazie prozy Vladimira Sorokina* [The Knight without Fear and Reproach: The Artistic Originality of Vladimir Sorokin's Prose]. 224 p. St. Petersburg, Filol. Fak. S.-Peter. gos. un-ta. (In Russian)

17. Borhes, H. L. (2000). *Sobr. Soch.: V 4 t. T. 2: Nove rassledovaniya: Proizvedeniya 1942-1969 godov* [Collected Works: In 4 vols. Vol. 2: New Investigations: The Works of 1942-1969]. 864 p. St. Petersburg, Amfora. (In Russian)

18. Strel'nik, O. N. (2006). *Deformatsiya yazyka i mifologizatsiya soznaniya v kul'ture postmoderna* [Deformation of Language and Mythologization of Consciousness in Postmodern Culture]. *Vestnik RUDN*. Seriya: Filosofiya. No. 2, pp. 63–72. (In Russian)

Библиографический список

1. 严宾. 秦始皇修万里长城历时几年 // 历史月刊 1982. № 6. С. 79–80 (Ян Бинь. Сколько лет строили Великую Китайскую Стену во время правления Цинь Шихуанди // История ежемесячник. 1982. № 6. С. 79–80)

Bibliographic list

1. 严宾 秦始皇修万里长城历时几年 // 历史月刊 (1982) [Jan Bin'. Qin Shihuang's Repair of the Great Wall Lasted for Several Years]. *Istoriya ezhemesyachnik*. No. 6, pp. 79–80. (In Chinese)

The article was submitted on 14.11.2021

Поступила в редакцию 14.11.2021

Чжан Исянь,

аспирант,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб. 7/9.
avaitor1@mail.ru

Yixian Zhang,

graduate student,
Saint Petersburg State University,

7/9 Universitetskaya Nab.,
St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
avaitor1@mail.ru